

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.16>

UDC 94(3)

LBC 63.3(0)4/41

Submitted: 26.02.2024

Accepted: 08.06.2024

FROM “PHILOSOPHY OF HISTORY” TO “HISTORICISM” IN THE STUDIES OF ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES IN RUSSIA: T.N. GRANOVSKII (1813–1855) AND V.G. VASILIEVSKII (1838–1899)

Dmitry N. Starostin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Elena V. Kuleshova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the problem of developing methods of historical research among Russian historians of the Middle Ages of the 19th century. *Methods and materials.* We used methods of studying historiography, developed by Russian scholars recently, as well as the ideographic method of historical inquiry. *Analysis.* In this article, an attempt is made to illustrate an important breakthrough in the views of Russian scholars of antiquity and the Middle Ages that occurred amid the 19th century. T.N. Granovskii and P.N. Kudriavtsev, whose formative years fell on the first half of the 19th century, started their studies of history with a belief that the knowledge of the concepts of the philosophy of history was critical for historical inquiry. But in the 1850s, T.N. Granovskii came to insist that any study of history must begin with the critical analysis, the “deconstruction” of the sources. V.G. Vasilievskii, a future scholar of Byzantium, established his studies in the 1860s on a thorough analysis of the monographs on Roman history that sought to deconstruct the myths of its early period. *Results.* It was shown that the philosophical and methodological divide, which started to show in the late articles of T.N. Granovskii, received a thorough development in the works of V.G. Vasilievskii, who did not consider the philosophy of history important and started his studies with the monographs that made the critique of sources and deconstruction of historical narratives the main research method, especially in the description of the epoch-making events during the creation of the Roman Empire and the time of its collapse in the West. *Authors’ contributions.* D.N. Starostin was responsible for the investigation of the European authors’ concepts and their comparison with those of Russian scholars, as well as for the work with archival materials. E.V. Kuleshova was responsible for analysis of the Russian historians’ views in the context of the development of Russian historical thought.

Key words: T.N. Granovskii, P.N. Kudriavtsev, V.G. Vasilievskii, I.M. Grevs, historicism, philosophy of history, history of the Roman empire.

Citation. Starostin D.N., Kuleshova E.V. From “Philosophy of History” to “Historicism” in the Studies of Antiquity and the Middle Ages in Russia: T.N. Granovskii (1813–1855) and V.G. Vasilievskii (1838–1899). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 221–234. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.16>

**ОТ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ К ИСТОРИЗМУ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ АНТИКОВЕДЕНИИ И МЕДИЕВИСТИКЕ:
Т.Н. ГРАНОВСКИЙ (1813–1855) И В.Г. ВАСИЛЬЕВСКИЙ (1838–1899)**

Дмитрий Николаевич Старостин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Елена Владимировна Кулешова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье сделана попытка решить проблему формирования методов исторического исследования у отечественных историков-медиевистов XIX века. Актуальность проблемы определяется тем, что несмотря на ряд научных работ, посвященных истории развития исторической науки в России XIX в., ряд источников позволяют уточнить время ключевого методологического поворота в области изучения всеобщей истории в целом и Римской и средневековой истории в частности. *Методы и материалы.* Мы опирались на методы исследования историографии и исторической культуры в контексте мировоззрения эпохи, разработанные рядом современных исследователей, а также идеографический метод, целью которого является нахождение конкретно-исторических особенностей взглядов историков. *Анализ.* В статье была сделана попытка показать, что в воззрениях отечественных антиковедов и медиевистов на историю Римской империи в середине XIX в. произошел важный поворот. Если Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев начинали свои занятия с постулата о необходимости философии истории для изучения конкретных исторических сюжетов, то в 1850-е гг. уже сам Т.Н. Грановский указывал на необходимость начинать историческое исследование с критического анализа, «деконструкции» источников. В.Г. Васильевский взял в качестве фундамента своего обучения книги, основанные на методе критической деконструкции мифов о ранней Римской империи и об истории империи. *Результаты.* Показано, что поворот от «философии истории» к «позитивистскому» отношению к источникам стал проявляться уже в последних статьях Т.Н. Грановского, но получил полноценное развитие именно в занятиях В.Г. Васильевского, который отошел от веры в необходимость философии истории как начальной части исторического анализа и взял в качестве основного метода исследования критику источников и «деконструкцию» исторических нарративов, в особенности характерных для описания эпохальных событий времени создания Римской империи и времени ее распада на Западе. *Вклад авторов.* Д.Н. Старостин отвечал за анализ воззрений европейских историков и за сравнение их со взглядами российских историков, Е.В. Кулешова – за анализ воззрений отечественных историков в контексте развития отечественной культуры и исторической науки.

Ключевые слова: Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, В.Г. Васильевский, И.М. Гревс, историцизм, философия истории, история Римской империи.

Цитирование. Старостин Д. Н., Кулешова Е. В. От философии истории к историцизму в отечественном антиковедении и медиевистике: Т.Н. Грановский (1813–1855) и В.Г. Васильевский (1838–1899) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 221–234. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.16>

Введение. *Цель* настоящей статьи состоит в том, чтобы определить момент ключевого перелома от романтизма к «позитивизму» в фундаментальных основаниях истории в середине XIX в. у отечественных историков-медиевистов в области концептуальной базы и методологии проведения исторического анализа и, в особенности, в вопросе соотношения философских

проблем истории и практических методов ее исследования. *Задачами* работы является показать, на основании каких принципов отечественные медиевисты (которые иногда начинали как антиковеды) создавали свой подход к соотношению в своих работах как общефилософских положений о смысле истории, так и оценки конкретных источников.

Актуальность определяется тем, что в современных отечественных исследованиях по истории исторической науки был мало раскрыт процесс восприятия исторических концепций, разрабатывавшихся в Европе, отечественными учеными. Несмотря на современные работы в области создания отечественных антиковедения и медиэвистики [26, с. 120–182; 47, с. 114–145], по-прежнему мало изучен процесс смены исторической парадигмы от концепций истории эпохи Романтизма (еще в значительной степени построенных на идеях провиденциализма) к эпохе, в которой доминирующую роль стали играть идеи анализа источника и «деконструкции мифа», выказанные Б.Г. Нибуром и Л. фон Ранке.

Методы и материалы. Теоретическая база настоящей статьи в общем смысле основана на работах по теории истории культуры крупных зарубежных и отечественных историков [24; 25; 32; 49]. Будет использована методология источниковедческого анализа, описанная И.Г. Дройзеном и А.С. Лаппо-Данилевским, в которой основой является представление о значимости понимания конкретного человека в интерпретации и создании исторических текстов [32, с. 98; 49, S. 9]. В более конкретном смысле методологией является в первую очередь принцип исследования историографии в ее историческом и биографическом контексте, разработанном рядом современных исследователей: И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, Л.П. Репиной, М.С. Бобковой и др. [6; 41; 43; 46]. В частности, важным для нашей работы представляется метод исследования способов создания исторического нарратива в конкретных условиях эпохи. В основе этого лежит принцип воссоздания «творческой лаборатории» ученого-историка. Также используется идеографический метод, в рамках которого мы будем стремиться исследовать конкретные особенности исторических и методологических концепций авторов как феномен их личного вклада, их биографии и видения проблем в конкретный исторический момент. При исследовании формирования научных воззрений будут использованы методы, принятые при изучении отечественной исторической научной школы и «научной биографии ученых» [5; 21; 36–42; 44]. Нас будет интересовать нахождение клю-

чего для формирования своих научных концепций момента в жизни историков в окружавшем их общеевропейском и общероссийском научном контексте.

Положение в историографии вопроса о формировании фундаментальных философских и методологических положений в области античной и средневековой истории осложняется тем, что становление понятийного аппарата всеобщей истории в России XIX в. происходило в контексте сложных процессов радикального пересмотра и формирования научной парадигмы на Западе, ее восприятия ведущими отечественными специалистами, а также попытками отечественных историков рационально адаптировать идеи западных исследователей и дать их собственное прочтение [47, с. 112–174]. Можно ли говорить о смене научной парадигмы и о соотношении общефилософских вопросов понимания истории и методов источниковедческого анализа, как процессе, охватившем в середине XIX в. всю «российскую научную школу»? Этот вопрос актуально поставить потому, что отечественные ученые хорошо изучили процесс формирования научных школ [36; 37], используя, в частности, биографический метод [38; 40]. Но наше мнение состоит в том, что для рассматриваемого нами периода 2-й и 3-й четверти XIX в. как в отношении европейской, так и в отношении российской исторической науки было бы преждевременно говорить о школах. Это было время формирования школ, но оформились они позже [47, с. 112–174]. Причины этого были фундаментальными, потому что в это время в области римской и средневековой истории еще не сложилась однозначная методология исследования. В качестве точки отсчета для появления «российской исторической научной школы», существование которой было даже отмечено западными учеными и мыслителями, некоторые современные историки берут 1879 г. как время поворота в области создания интеллектуального сообщества историков на базе Московского университета, сообщества, состоявшего из В.И. Герье, его ученика Н.И. Кареева (временно преподававшего и в Варшавском университете), М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградова и др. [39, с. 287].

Но даже с учетом современных научных работ плохо виден один фундаментальный, но малозаметный перелом в отечественной исторической науке, который сделал европейские концепции научной методологии истории, основанной на переосмыслении источников, частью концептуального и методологического аппарата отечественных историков. Мы попытаемся показать, что развитие антиковедения и медиэвистики в России в XIX в. прошло через этап осмысления, интерпретации и критики философии истории Дж. Вико и немецких классических философов эпохи Романтизма (И.Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В.Й. Шеллинга), прежде чем отечественные историки, опираясь на новые критические работы Б.Г. Нибура, Л. фон Ранке, А. Шwegлера и Ч. Меривела, начали включать строгую критику («деконструкцию») источников в свои исследования.

Анализ. Проблема взаимоотношения философии истории и истории Античности и Средневековья в первой половине XIX века. Для находящейся в процессе становления исторической науки в России остро стоял вопрос о выборе научной парадигмы среди нескольких, которые сформировались в контексте эпохи Просвещения. Преобладающий авторитет в области античной истории на тот момент имела концепция Э. Гиббона (1737–1794). Английский исследователь формулировал свою идею так: «Ткань могущественного государства, которое было выращено трудами последовательных поколений, не могла быть разорвана неудачей одного дня, если только фатальная сила воображения не преувеличила реальный размер несчастья» («The fabric of a mighty state which has been reared by the labours of of successive ages could not be overturned by the misfortune of a single day, if the fatal power of imagination did not exaggerate the real measure of the calamity») [50, р. 537]. Построенная на достижениях в области истории Римской империи, сделанных целой когортой ученых раннего Нового времени, эта концепция была построена на «трагическом нарративе» распада Западно-Римской империи и на поиске причин этого процесса. Выход «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина в 1816–1817 гг. непрямым образом ввел концепцию Э. Гиббона о падении Римской империи в оборот у отечествен-

ных интеллектуалов и вызвал комментарии Н.М. Муравьева («Комментарии по поводу Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, 1818 г.) по поводу интерпретации причин ее падения, среди которых декабрист считал, как и Э. Гиббон, что «государственные бедствия могут иметь последствием и разрушение самого государства». Но он спрашивал также, «история может ли также утешать нас в государственных бедствиях, свидетельствуя, что бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось?» [35, с. 582]. Интерес к античной и средневековой истории (а не только к древним языкам) явился основой для появления с 1838 г. на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета первого профессора античной истории М.С. Куторги (сначала как экстраординарного профессора, а с 1859 г. как заслуженного профессора). Отметим, его диссертация о Перикле показывает, что он еще находился в рамках концепции Э. Гиббона, ища в античных государственных деятелях основу стабильности государства [1; 2; 45; 47, с. 142–174].

Основная проблема для отечественных исследователей XIX в. состояла в том, что в области исторической парадигмы в Европе, пережившей Великую Французскую революцию, наполеоновские войны, де-факто роспуск Священной Римской империи германской нации, велись активные поиски. Поскольку все исторические концепции европейского прошлого включали в себя историю античного мира и Римской империи, то именно формирование своего мнения и своей системы изложения этой истории стало важнейшей задачей для отечественных историков, что в особенности определялось философскими посылами идеи Э. Гиббона об «упадке и падении» Римской империи на Западе. П.Н. Кудрявцев захватил конец этого процесса, когда он писал в 1854 г.: «Римская история давно кончена, но для римской историографии далеко еще не видится конца впереди. Подумаешь, <так> она еще только началась и не успела установить ни одного твердого положения. Все еще так зыбко в ней, редкое положение не оказывается спорным, едва только определился один взгляд, как он тотчас возбуждает против себя множество противоречий. Воззрения, друг

другу противоположные, оспаривают друг у друга римскую историю» [29, с. 43]. Эти заключения отражали долгий процесс в области формирования исторической методологии в период с 1822 г. (когда начали выходить «Исследования по философии истории» Г.В.Ф. Гегеля, 1822–1831) [51] и по начало 1850-х гг., времени выхода ключевых монографий по истории Римского права того же Ф.К. фон Савиньи, по истории Рима Б.Г. Нибура, А. Шwegлера, Ч. Меривеля, каждая из которых отличалась по своим методологическим положениям [53; 54; 57; 58]. Именно эта проблема «парадигмы исторического исследования» в области проблемы перехода от Античности к Средневековью и заняла центральное положение к 1850-м годам. Крайне важное значение для понимания причин конца Античного мира имела концепция смены исторических эпох и цивилизаций, разработанная итальянским мыслителем Джамбаттиста Вико (1668–1744) [62].

Российские интеллектуалы и историки чутко отнеслись к новым веяниям в области философии истории, отразившимся особо в немецком Романтизме и классической философии. В течение первой половины XIX в. отечественные антиковеды и интересующиеся средневековой историей вынуждены были сначала, до обращения к конкретным историческим сюжетам, найти свое отношение и формулировки к вопросам, поставленным классиками школы Романтизма. Используя труды И.Г. Гердера, Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля и других представителей этого направления, они в течение некоторого времени стремились более точно, чем ранее, определить «цели» истории.

Т.Н. Грановский и поворот от философии истории к историзму. Важнейшую роль в становлении философии и методологии истории, равно как и самой исторической науки, сыграл Т.Н. Грановский (1813–1855) [3; 4; 22; 23; 26, с. 169–177; 28; 33; 34]. В силу своего в целом хорошего знания истории и способности оперировать фактами и тенденциями И.Г. Гердер стал для Т.Н. Грановского одной из опор в его понимании истории. В его концепции, разработанной в 1784–1791 гг., европейское Средневековье было высшей точкой исторического процесса, начавшегося еще в Древнем мире, потому что оно соответство-

вало идее Г.В.Ф. Гегеля о согласии разнородных культур как стремление к идеалу [9, с. 440–442, 577–589, 607–608]. Т.Н. Грановский поэтому считал его «врагом... сухой теории прогресса» [12, с. 40], потому что тот перестал придерживаться «абстрактного представления об общей человеческой природе» [10, л. 9 об.]. Т.Н. Грановский также фактически поддержал идею Дж. Вико, потому что он резко проводил границы исторического процесса, отделив Средние века от Нового времени по причине принципиальной разницы между этими двумя эпохами [11, с. 122]. Стоит отметить, что именно таким образом, через немецких интеллектуалов-посредников, до отечественных историков доходили идеи Джамбаттиста Вико, изложенные им в работе [62].

Преимущественное влияние оказал на развитие философии истории в России Г.В.Ф. Гегель [48, с. 22–23], труды которого как крайне актуальные для российской действительности были представлены М. Бакуниным кружку Н.А. Станкевича [17; 18; 20; 27]. Немецкий философ, как сторонник характерной для эпохи Просвещения позиции, настаивал на линейности исторического прогресса и считал, что вся история человеческого общества движется к своему идеальному концу на основании заранее заданных имманентных идей [51].

С 1836 г. Т.Н. Грановский поддерживал связь с Н.В. Станкевичем и В.Г. Белинским, которые и явились первыми проводниками идей Г.В.Ф. Гегеля среди российской интеллигенции [22, с. 12]. В области практического применения общих идей истории в конкретных ситуациях он много взял от Л. фон Ранке, чьи лекциями был восхищен [22, с. 13]. Философию же истории он слушал у профессоров Э. Ганса (E. Gans, 1797–1839) и К.Ф. Вердера (K.F. Werder, 1806–1893), который был главным сторонником идей Г.В.Ф. Гегеля и который развивал их в своих лекционных курсах и монографиях [22, с. 14; 64]. В письмах к своему однокурснику по Санкт-Петербургскому университету В.Г. Григорьеву он писал: «1) о необходимости философии как науки; 2) ее способности к решению задач, перед ней стоящих; 3) диалектическом характере философии». Он советовал ему читать Гегеля, у которого, как он писал, «все объяснено» [22,

с. 15–16]. Прочитав «Философию истории» последнего, он был в смешанных мнениях о ней, соглашаясь в отношении ее античной части и высказывая сомнения в отношении Средневековья, что он и выразил в своем письме Н.В. Станкевичу и Я.М. Неверову 15 июля 1838 года [13, с. 358–359; 22, с. 18]. Но несмотря на некоторые сомнения, он полностью воспринял идею Г.В.Ф. Гегеля о будущей гармонической общественной жизни. Этой гармонии нельзя было достичь ни в Античном мире, ни в Средние века, потому что и античное рабство, и средневековые формы «феодальной зависимости» приводили только к социальной борьбе и делали гармоническое общество невозможным [22, с. 117–118].

Т.Н. Грановский считал труды Г.В.Ф. Гегеля основополагающими для понимания истории. Н.И. Кареев цитировал его: «Теперь философия стала необходимым пособием для истории, она дала ей направление ко всеобщему, усилила ее средства и обогатила ее идеями, которые из самой истории не могли скоро развиться» [19, с. 51; 23, с. 13]. Явно под влиянием Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В.Й. Шеллинга он писал: «Весь прогресс человечества заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель его бытия яснее и определеннее» [12, с. 45]. Эти цитаты подтверждают, что для отечественных историков-медиевистов первой волны, таких как Т.Н. Грановский, философия истории играла крайне важную роль и основой этой философии была взятая у Г.В.Ф. Гегеля идея «исторического прогресса».

Интересовавшиеся античной и средневековой историей отечественные мыслители сразу столкнулись с необходимостью трактовать вопрос «возраста мира». Особо ярко идеи Вико (вероятно, через посредничество лекций и трудов Шеллинга) отразились в исторической концепции Т.Н. Грановского. Для него единообразными ступенями развития народов оказывался их возраст. То есть Грановский принял «возрастную» схему истории народов, ранее разработанную Джамбаттиста Вико, но упрощенную Г.В.Ф. Гегелем и Ф.В.Й. Шеллингом. Возрасты истории народа, по его мнению, могут быть охарактеризованы сравнением «ее эпох с возрастными человеческой жизни» – «младенчество», «юность», «возмужа-

лость» и «старость»; «каждый возраст образует особый период...» [12, с. 45–46]. В младенчестве народа «человек не может освободиться от природы, не имеет отдельного сознания» [10, л. 11 об.]. У народа, как он считал, фактически развивая мысль Вико и Шеллинга, в этот период в сущности нет истории, «историческое время открывается переходом из юношества к возмужалости... стремлением свободно и обдуманно создать и расширить свое бытие» [12, с. 45]. В этот период «человек освобождается от условий, кои его обременяли без его сознания, от влияния природы, которая определяла его жизнь и историю; тогда начинают развиваться разнообразные формы проявления жизни; начинается борьба прежнего с новым, борьба народа возмужалого с жизнью родового» [10, л. 1–1 об.], наступает период борьбы, обновлений, изменений, переворотов [12, с. 45]. Период возмужалости – это период расцвета народа, осуществления его исторической миссии, «народ совершает свое историческое назначение до тех пор, как жизнь его ослабевает» [10, л. 11 об.], дух устает и «истощенные силы перестанут производить новые явления... оцепенеют и потеряются. Тогда наступает старость народа», происходит его упадок, разложение [12, с. 45]: «Признаки его (<периода старости>) – равнодушие к обществу, отвращение от старины, распадение общества на частные политические интересы; государство перестает существовать как полный живой организм и делается механическим собранием частей» [10, л. 11 об.]. Мы видим концепцию Джамбаттиста Вико [63, р. 302], хотя Т.Н. Грановский не ссылался непосредственно на нее, либо потому что опирался на чьи-то лекции, либо потому, что сама эта монография была непопулярна в Германии и считалась католической пропагандой. Но в этих лекциях было заметно также и влияние И.Г. Гердера и Ф.В.Й. Шеллинга, потому идея об особом пути каждой культуры и отсутствии единого «плана» общества была в данном случае явно высказана.

Главным достижением исторических курсов М.С. Куторги (1809–1886) в Санкт-Петербургском университете, а также историко-философских изысканий Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева стало преодоление про-

блемы засилья философии истории и области науки об изучении прошлого [14, с. 24].

Влияние новых, «ранкианских» концепций, однако, было уже заметно в комментариях Т.Н. Грановского, который показал себя представителем новой, нибуrowsкой школы (которая была ранкианской по сути). В особенности это было связано с тем, что уже с 1841 г. философское учение Г.В.Ф. Гегеля о цели истории виделось как крайне опасное. Ч. Хенгестенберг, ведущий философ пиетистского направления, писал о необходимости атаковать любые его успехи [59, р. 249]. Поэтому неудивительно, что Т.Н. Грановский тоже стал переосмысливать свое отношение к философии истории как таковой. Стоит помнить, что Т.Н. Грановский уехал из Берлина с отчасти критическим отношением к философии истории («Время, посвященное мною в Берлине философии, решительно потеряно») [13, с. 358; 22, с. 19]. Цитируя Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцев повторял его мысль, что Б.Г. Нибура (опираясь на методы критического анализа источников. – Д. С.) разрушил римскую историю, так же как А. Вольф разрушил образ Гомера [31, с. 8]. Он упоминал также рецензию А. Шлегеля на выход 1-го тома «Римской истории» Нибура, в которой тот подчеркнул, что главным достижением последнего было умение не просто учить историков запоминать источники, а анализировать прошлое с учетом всего комплекса знаний по исследуемому периоду [31, с. 19]. П.Н. Кудрявцев признал метод А. Шwegлера по деконструкции «фактов» ранней римской истории как основы для исследований, и согласился с оценкой корпуса нарративных источников по Римской истории как «саги» [30]. Фактически рецензия Т.Н. Грановского на монографию П.Н. Кудрявцева, его речь, а также статья последнего отражали преодоление интереса в России к абстрактной философии истории Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля параллельно с появлением уже строго разработанных исторических концепций, в которых идеи классических немецких философов были отодвинуты на задний план в пользу методологии критики и «деконструкции» источников Л. фон Ранке. И.М. Гревс писал об этом влиянии Л. фон Ранке на Т.Н. Грановского и затем на своего учителя, В.Г. Васильевского [16, л. 142].

Таким образом, в отличие от эпохи Н.М. Карамзина, когда тот мог ссылаться только на один труд по Античной истории, Т.Н. Грановский к концу своей жизни уже застал и сумел поучаствовать в новом периоде развития историографии, который начался после философского переосмысления смысла и целей изучения истории, представленных в трудах классиков немецкой философии эпохи Романтизма И.Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В.Й. Шеллинга, а в случае уже конкретных проблем изучения истории Рима и Средневековья Ф.К. фон Савиньи, Л. фон Ранке, Б.Г. Нибура, А. Шwegлера и Ч. Меривела.

«Историзм» Л. фон Ранке и его отношение в трудах отечественных медиевистов. Можно предположить, что на методы критики книги П.Н. Кудрявцева Т.Н. Грановским и на представления последнего об исторической методологии значительное влияние оказал Л. фон Ранке (лекции которого тот слышал), который в своих исторических трудах наметил методы подхода к проблеме «смысла истории» и «конца истории». Этот немецкий историк более всего известен своей максимой «рассказать историю, как это было на самом деле» («wie es eigentlich gewesen»), которая стала философским принципом фактически для всех историков XIX века. Стоит помнить, что принцип критики источников уже в 1710 г. выразил Джамбаттиста Вико. В своем сочинении итальянский философ сформулировал максимум «verum esse ipsum factum», которая обычно переводится как «истина и сама сконструирована» [60; 61, р. 48–52]. В 1824 г. Л. фон Ранке пошел еще дальше, на примере истории Гвиччардини заявив, что история конструируется (как, например, стихи) [56, S. 7]. Значимость и популярность Л. фон Ранке происходила от его способности к деконструкции заданных, устоявшихся исторических парадигм. Центральным для начала его изысканий был вопрос, откуда же идет знание событий, которое многие принимают за общее знание [56, S. 5]. Он отвечал на свой вопрос, что все историческое знание идет от конкретных историков («Sie geht von den Geschichtsschreibern aus, die zugleich die umfassenderen und berühmteren schienen») [56, S. 5]. Это следовало понимать, как предложение собирать и анализировать ис-

точные и внимательно ограничивать выводы именно рамками конкретных повествований.

Нам особо хотелось бы отметить, что, вероятно, первым историком, который полностью и последовательно опирался в своих работах на принципы исследования и деконструкции источника Л. фон Ранке и Б. Нибура, был В.Г. Васильевский (1838–1899). Как показывает его биография, он научился методам работы с источниками, опираясь в первую очередь на монографии 3 историков в области истории Рима, специалистов именно по источниковедческому анализу: Б.Г. Нибура, А. Шwegлера и Ч. Меривеля [58; 53]. Более того, можно предположить, что он разрабатывал свои методы и концепции истории, отталкиваясь от заявления Б.Г. Нибура о том, что практически вся история Рима до I в. до н. э. является недостоверной в силу позднего появления в Риме историописания и что нельзя быть уверенным в сообщениях о первых веках римской истории [55, S. 11]. Именно у А. Шwegлера была воплощена идея Б.Г. Нибура, который в своей монографии подчеркнул недостоверность информации о Риме до I в. до н. э. [58, Bd. 2, S. 1]. Ч. Меривел не рассматривал империю как полностью новаторскую конструкцию, видя в формах власти эпохи Цезаря и Августа лишь конструкцию, созданную из ряда традиционных институтов [53, vol. 3, p. 425]. Таким образом, ее «распад», как он имплицитно предполагал, можно было не рассматривать столь трагически.

И.М. Гревс, автор этой биографии, подчеркивал, что в особенности «Римская история» А. Шwegлера и «История римлян в эпоху империи» Ч. Меривеля имели критическое значение для формирования В.Г. Васильевского как исследователя [16, л. 158; 7]. Заметим, что первоначальный план В.Г. Васильевского по написанию магистерской диссертации состоял именно в источниковедческом анализе и сравнении сообщений Полибия и Тита Ливия о ранней римской истории. Даже для 1862 г. это была новая идея, которую еще не успел рассмотреть К. Льюис [52, p. vi]. А состоявшаяся магистерская диссертация В.Г. Васильевского была посвящена теме тирании в греческом полисе III в. до н. э. и политическим программам Агиса IV, Клеомена III и Арата Сикионского, в которой можно было

увидеть намеки на сходство между политической борьбой в греческих городах и в Риме [8; 16, л. 168–177]. Несмотря на то что этой теме было посвящено много внимания в сочинении Б.Г. Нибура, на которое написал развернутую рецензию Т.Н. Грановский [15, с. 102–107; 26, с. 172–173], подход самого В.Г. Васильевского был оригинальным. И.М. Гревс сообщает, что последний сказал ему в личном разговоре, что назвал бы свою диссертацию «Арат и Клеомен», подчеркивая, в отличие от Б.Г. Нибура, роль личности в истории [16, л. 168].

Заметим, что уже в 1862 г. речи не шло ни о философии истории Гегеля и Шеллинга (как это еще было у Т.Н. Грановского), ни даже о Нибуре, а о работах, в основе которых лежала критика источников и уверенность в том, что мы практически ничего не знаем об истории Рима до I в. до н. э. [16, л. 144]. И.М. Гревс в своей биографии очень ясно показывает, что В.Г. Васильевский начал не с философской концепции истории, а с критического анализа ее источников. Более того, из биографии видно, что он не принял телеологическую и эсхатологическую схему Э. Гиббона, взяв за основу своих представлений концепцию стадийного развития Рима в эпоху Республики и Империи [16, л. 149–152].

Результаты. В воззрениях отечественных историков на историю Римской империи в середине XIX в. произошел важный поворот. Г.С. Кнабе считал, что это был поворот, при котором национальное самосознание стало играть при изучении Античной Древности первичную роль. Но этот тезис можно уточнить. Несмотря на то что сторонники «философии истории» (Т.Н. Грановский) группировались в основном вокруг Московского университета, а «позитивизм» в области источниковедения стал развиваться, начиная с В.Г. Васильевского, в Санкт-Петербургском университете, дело тут не в культурных различиях между этими двумя центрами интеллектуальной жизни в России. Дело было именно в ключевом повороте в западноевропейской науке, который В.Г. Васильевский смог глубоко прочувствовать и сразу применить, в то время как двумя десятилетиями раньше Т.Н. Грановский уехал из Берлина, как он сам писал, не поняв, как реально использовать на практике изучавшийся им философию

ский подход к истории. Если Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев начинали свои занятия с постулата о необходимости философии истории для изучения конкретных исторических сюжетов, то в 1850-е гг. уже сам Т.Н. Грановский указывал на необходимость начала истории с критического анализа, «деконструкции» источников. Но именно В.Г. Васильевский с момента своего студенчества вырос как последовательный сторонник методологии, построенной на источниковедческом анализе, начав свое обучение с книг, основанных на методе критической деконструкции мифов о ранней Римской истории и об истории империи. Использование этих новых трудов В.Г. Васильевским и его последователями к 1860-м гг. означало поворот в отечественных антиковедении и медиевистике от «гегельянства» и «шеллингианства» к исследованию и «деконструкции» источников как основы исторического анализа. Именно это обеспечило большую популярность курсов по истории Римской империи и западноевропейского Средневековья среди студенчества Санкт-Петербурга и Москвы и в долгосрочной перспективе привело к появлению ряда историков, чьи работы имели значимость для европейской науки. Этот принцип поиска новых источников, которые могут полностью разрушать сложившиеся концепции, который стал доминирующим в европейской исторической науке к 1870-м гг., определил все достижения В.Г. Васильевского и способствовал изданию им новых источников и пересмотру ряда важнейших тем истории Средних веков и византийской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов М. А. Исторические взгляды П.Н. Кудрявцева, С.В. Ешевского и М.С. Куторги // *Очерки исторической науки в СССР*. М.: Наука, 1955. Т. 1. С. 450–460.
2. Алпатов М. А. Мироззрение М.С. Куторги и его концепция истории древней Греции // *Вестник древней истории*. 1955. № 3. С. 179–198.
3. Алпатов М. А. Труды Т.Н. Грановского // *Очерки истории исторической науки в СССР*. М.: Наука, 1955. Т. 1. С. 443–450.
4. Асиновская С. А. Архив Грановского // *Записки отдела рукописей Государственной Библиотеки им. В.И. Ленина*. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1959. Вып. 21. С. 3–32.
5. Бамбизова К. В. Образ историка и его ремесла глазами историка-медиевиста И.М. Гревса: конец XIX – начало XX века // *Мир историка: историографический сборник*. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 10. С. 213–243.
6. Бобкова М. С. Понятие «историописание» в трудах М.А. Барга и современная история исторического знания // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2016. Т. 8. С. 147–158.
7. Васильевский В. Г. Отчет // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1864. С. 466–472.
8. Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в Греции в период ее упадка. СПб.: Печ. В. Головина, 1869. 326 с.
9. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
10. Грановский Т. Н. История средних веков. [Публичный] курс 1843/44 гг. // *Отдел письменных источников Государственного исторического музея*. Ф. 345. Ед. хр. 17. 248 л.
11. Грановский Т. Н. Лекции по истории позднего Средневековья / подгот. текста С. А. Асиновской и Л. А. Никитиной. М.: Наука, 1971. 340 с.
12. Грановский Т. Н. Лекции Т.Н. Грановского по истории Средневековья. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 240 с.
13. Грановский Т. Н. Переписка. Т. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1897. 496 с.
14. Грановский Т. Н. Сочинения. М.: Изд. А.И. Мамонтова, 1900. 659 с.
15. Грановский Т. Н. Чтения Нибура о древней истории // *Сочинения*. М., 1900. С. 42–107.
16. Гревс И. М. В.Г. Васильевский. Профессор и академик. Опыт биографии (1838–1899) // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 103–264.
17. Ерыгин А. Н. Гегель и русская мысль (тема истории и культуры). Ростов н/Д: ЦВВР, 2003. 78 с.
18. Ерыгин А. Н. Философия истории Гегеля и русская мысль XIX века. Ростов н/Д: Изд. ЮФО, 2012. 214 с.
19. Жукова О. А. На пути к русской Европе. Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013. 205 с.
20. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. М.: АСТ; Ростов н/Д: Феникс, 1999.
21. Каганович Б. С. Русские историки средневековья и нового времени (конец XIX – первая половина XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. 39 с.
22. Каменский З. А. Тимофей Николаевич Грановский. М.: Мысль, 1988. 189 с.
23. Кареев Н. И. Историческое мирозерцание Грановского. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1896. 72 с.

24. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории: очерки главнейших исторических эпох. СПб.: Тип. Акц. О-ва Брокгауз – Ефрон, 1903. 304 с.
25. Кареев Н. И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800): Введение в историю XIX века: (Основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV–XVIII вв.). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. 176 с.
26. Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. Программа лекционного курса. М.: РГГУ, 2000. 238 с.
27. Коган Л. А. О понятии «русское гегельянство» // Вопросы философии. 1975. № 6. С. 100–111.
28. Косминский Е. А. Жизнь и деятельность Т.Н. Грановского // Вестник МГУ. 1956. № 1. С. 119–128.
29. Кудрявцев П. Н. Древнейшая римская история по исследованию Шwegлера // Отечественные записки. 1854. Т. 43, ч. 3. С. 43–74.
30. Кудрявцев П. Н. Древнейшая Римская история по сочинению А. Шwegлера // Сочинения. М.: Изд. тип. А.А. Карцева, 1853. Т. 1. С. 99–238.
31. Кудрявцев П. Н. О достоверности истории. Достовернее ли становится история? Записка, представленная в Академию Наук президентом ея графом С.С. Уваровым // Сочинения. М.: Изд. тип. А.А. Карцева, 1853. Т. 1. С. 1–32.
32. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010.
33. Левандовский А. А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М.: Молодая гвардия, 1990. 304 с.
34. Милюков П. Н. Университетский курс Грановского // Из истории русской интеллигенции. СПб.: Знание, 1903. С. 212–265.
35. Муравьев Н. М. Мысли об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Литературное наследство. М.: Отделение языка и литературы Академии Наук СССР, 1954. Вып. 59, кн. I. С. 582–595.
36. Мягков Г. П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 328–335.
37. Мягков Г. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной). М.: Аквилон, 2017. С. 364–409.
38. Мягков Г. П., Иванова Т. Н. Биографика: этапы дисциплинарного становления // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 25–32.
39. Мягков Г. П., Иванова Т. Н., Корзун В. П. 1879 год как контрапункт формирования «русской исторической школы» // Профессиональная идентичность и самосознание историка. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2022. С. 260–292.
40. Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 25–32.
41. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
42. Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М.: Круг, 2005. С. 5–18.
43. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история: в 2 т. М.: Наука, 2003.
44. Свешников А. В. Иван Михайлович Гревс (1860–1941) // Портреты историков. Время и судьбы. В 3 т. Т. 3: Древний мир и средние века. М.: Унив. кн., 2004. С. 336–360.
45. Скворцов А. М. Научная школа в отечественном антиковедении: М.С. Куторга и его ученики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 24 с.
46. Суриков И. Е., Сидорович О. В., Шкаренков П. П. История и память = History and memory: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Круг, 2006. 763 с.
47. Фролов Э. Д. Русская наука об античности. СПб.: Гуманитарная Академия, 2006. 616 с.
48. Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 409 с.
49. Droysen J. G. Grundriss der Historik. Jena: Freidrich Frommen, 1858. 27 S.
50. Gibbon E. The Decline and Fall of the Roman Empire. London: Penguin Viking, 1980. 693 p.
51. Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Berlin: Duncker und Numblot, 1848. 569 S.
52. Lewis S. J. C. An inquiry into the Credibility of the Early Roman History. London: J. W. Parker, Son, 1855. 551 p.
53. Merivale C. History of the Romans under the Empire: in 7 vols. London: Longmans, 1852–1862.
54. Niebuhr B. G. Römische Geschichte: in 3 Bde. Berlin: G Reimer, 1828.
55. Niebuhr B. G. Römische Geschichte. Bd. 2. Berlin: S. Calvary, 1873. 547 S.
56. Ranke L. Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. G Reimer, 1824. 202 S.
57. Savigny F. K. v. Geschichte des römischen Rechts: in 6 Bde. Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1815–1831.

58. Schwegler A. *Römische Geschichte im Zeitalter der Könige*: in 3 Bde. Tübingen: Laupp, 1853.

59. Stepelevich L. S. Hegelian Nihilism: Karl Werder and the Class of 1841 // *The Philosophical Forum*. 2015. Vol. 46, iss. 3. P. 249–273.

60. Vico G. *De antiquissima Italorum sapientia ex linguae originibus eruenda libris tres*. Naples: Typographia Felicis Mosca, 1710. 138 p.

61. Vico G. On the Most Ancient Wisdom of the Italians Unearthed from the Origins of the Latin Language, including The Disputation with “The Giornale De” Letterati D’Italia (1711) / tranl. L. M. Palmer. Ithaca: Cornell University Press, 1988. 198 p.

62. Vico G. *Principi di scienza nuova*. Naples: Stamperia muziana, 1744. 526 [516] p.

63. Vico G. *The New Science of Giambattista Vico*. Translated from the third edition (1744) / trans. by T. G. Bergin, M. H. Fisch. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1948. 494 p.

64. Werder K. F. *Logik: Als Commentar und Ergänzung zu Hegels Wissenschaft der Logik*. Berlin: Veit, 1841. 231 S.

REFERENCES

1. Alpatov M.A. Istoricheskie vzgljady P.N. Kudrjavceva, S.V. Eshevskogo i M.S. Kutorgi [Historical Views of P.N. Kudrjavcev, S.V. Eshevskii and M.S. Kutorga]. *Oчерки исторической науки в СССР* [Essays of the Science of History in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1955, vol. 1, pp. 450-460.

2. Alpatov M.A. Mirovozzrenie M.S. Kutorgi i ego koncepcija istorii drevnej Grecii [The Worldview of M.S. Kutorga and His Concept of the History of Ancient Greece]. *Vestnik drevnej istorii* [Herald of Ancient History], 1955, no. 3, pp. 179-198.

3. Alpatov M.A. Trudy T.N. Granovskogo [The Works of T.N. Granovskii]. *Oчерки истории исторической науки в СССР* [Essays of the Science of History in the USSR]. Moscow, 1955, vol. 1, pp. 443-450.

4. Asinovskaja S.A. Arhiv Granovskogo [The Archive of Granovskii]. *Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoi Biblioteki im. V.I. Lenina* [Reviews of the department of manuscripts of the State Literature Library]. Moscow, Gosudarstvennaia ordena Lenina biblioteka SSSR im. V.I. Lenina, 1959, iss. 21, pp. 3-32.

5. Bambizova K.V. Obraz istorika i ego remesla glazami istorika-medievista I.M. Grevs: konec XIX – nachalo XX veka [The Image of a Historian and His Profession in the Eyes of Medievalist I.M. Grevs: End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik* [The World of a Historian: A Historiographical Collection of Articles]. Omsk, Izd-vo OmGU, 2005, iss. 10, pp. 213-243.

6. Bobkova M.S. Ponjatje «istoriopisanie» v trudah M.A. Barga i sovremennaja istorija istoricheskogo znanija [The Concept of History-Writing in the Works of A.V. Barg and Modern History of the Historical Knowledge]. *Ljudi i teksty. Istoricheskij almanah* [People and Texts, Historical Almanac], 2016, vol. 8, pp. 147-158.

7. Vasilyevskij V.G. Otchet [A Report]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshchenia* [Journal of the Ministry of People’s Education], 1864, pp. 466-472.

8. Vasilyevskij V.G. *Politicheskaja reforma i socialnoe dvizhenie v Grecii v period ee upadka* [Political Reform and Social Movement in Greece in the Period of Its Decline]. Saint Petersburg, Pech. V. Golovina, 1869. 326 p.

9. Gerder I.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of the History of Humanity]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 703 p.

10. Granovskij T.N. Istorija srednih vekov. (Publichnyj) kurs 1843/44 gg. [History of the Middle Ages. A Public Course 1843/1844]. *Otdel pismennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [Department of Written Sources, State Historical Museum], f. 345, dep. item 17. 248 l.

11. Granovskij T.N. *Lekcii po istorii pozdnego Srednevekovyia* [Lectures on the History of the Late Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 340 p.

12. Granovskij T.N. *Lekcii T.N. Granovskogo po istorii Srednevekovyia* [The Lectures of T.N. Granovskii on the History of the Middle Ages]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961. 240 p.

13. Granovskij T.N. *Perepiska. T. 2* [Letters. Vol. 2]. Moscow, Tip. A.I. Mamontova, 1897. 496 p.

14. Granovskii T.N. *Sochineniia* [Works]. Moscow, Izd. A.I. Mamontova. 1900. 659 p.

15. Granovskij T.N. Chteniija Nibura o drevnej istorii [Niebuhr’s Readings on Ancient History]. *Sochineniia* [Works]. Moscow, 1900, pp. 42-107.

16. Grevs I.M. V.G. Vasilyevskij. Professor i akademik. Opyt biografii (1838–1899) [V.G. Vasilievsky, Professor and Academician. Experience of Biography (1838–1899)]. *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Academy of Sciences], f. 726, inv. 1, dep. item 22, l. 103-264.

17. Erygin A.N. *Gegel i russkaja mysl (tema istorii i kultury)* [Hegel and Russian Thought (Theme of History and Culture)]. Rostov-on-Don, TsVVR, 2003. 78 p.

18. Erygin A.N. *Filosofija istorii Gegelja i russkaja mysl XIX veka* [Hegel’s Philosophy of History and Russian Thought of the 19th Century]. Rostov-on-Don, Izd. IuFO, 2012. 214 p.

19. Zhukova O.A. *Na puti k russkoj Evrope. Intellektualy v borbe za svobodu i kulturu v Rossii*

[On the Path To Russian Europe: The Intellectuals in the Struggle for Freedom and Culture in Russia]. Moscow, Fond «Liberalnaja missija», 2013. 205 p.

20. Zenkovskij V.V. *Istorija russoj filosofii: v 2 t.* [History of Russian Philosophy. In 2 Vols]. Moscow, AST; Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999.

21. Kaganovich B.S. *Russkie istoriki srednevekovyja i novogo vremeni (konec XIX – pervaja polovina XX v.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Russian Historians of the Middle Ages and Modern Times (End of the 19th Century – First Half of the 20th Century). Dr. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 1995. 39 p.

22. Kamenskij Z.A. *Timofej Nikolaevich Granovskij*. Moscow, Mysl Publ., 1988. 189 p.

23. Kareev N.I. *Istoricheskoe mirosozercanie Granovskogo* [The Historical Worldview of T.N. Granovskii]. Saint Petersburg, Tipo-litografija B.M. Volfa, 1896. 72 p.

24. Kareev N.I. *Obshhij hod vseмирnoj istorii: ocherki glavnejshih istoricheskikh epoh* [The General Course of World History: Essays on the Most Important Historical Eras]. Saint Petersburg, Tip. Akts. O-va Brokgauz-Efron, 1903. 304 p.

25. Kareev N.I. *Filosofija kulturnoj i socialnoj istorii novogo vremeni (1300–1800): Vvedeniye v istoriju XIX veka: (Osnovnye ponjatija, glavnejshie obobshhenija i naibolee sushhestvennye itogi istorii XIV–XVIII vv.)* [Philosophy of Cultural and Social History of Modern Times (1300–1800): Introduction to the History of the 19th Century (Basic Concepts, Key Generalizations, and Most Significant Results of the History of the 14th – 18th Centuries)]. Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasjulevicha, 1893. 176 p.

26. Knabe G.S. *Russkaja antichnost. Soderzhanie, rol i sudba antichnogo nasledija v kulture Rossii. Programma lekcionnogo kursa* [Russian Antiquity. Contents, Role, and Fate of the Ancient Heritage in the Culture of Russia. Lecture Course Program]. Moscow, RGGU, 2000. 238 p.

27. Kogan L.A. O ponjatii «russkoe gegelyjanstvo» [On the Notion of “Russian Hegelianism”]. *Voprosy filosofii*, 1975, no. 6, pp. 100-111.

28. Kosminskij E.A. Zhizn i dejatel'nost' T.N. Granovskogo [The Life and Work of T.N. Granovskii]. *Vestnik MGU* [The Herald of Moscow State University], 1956, no. 1, pp. 119-128.

29. Kudrjavcev P.N. Drevnejshaja rimskaja istorija po issledovaniju Shveglera [Ancient Roman History According to A. Schwegler]. *Otechestvennye zapiski* [Fatherland's Reviews], 1854, vol. 43, pt. 3, pp. 43-74.

30. Kudrjavcev P.N. Drevnejshaja Rimskaja istorija po sochineniju A. Shveglera [Ancient Roman History According to A. Schwegler]. *Sochinenija* [Works]. Moscow, Izd. tip. A.A. Kartseva, 1853, vol. 1, pp. 99-238.

31. Kudrjavcev P.N. O dostovernosti istorii. Dostovernee li stanovitsja istorija? Zapiska, predstavennaja v Akademiju Nauk prezidentom eja grafom S.S. Uvarovym [On the Veracity of History. Is History Becoming More Veracious? A Note Submitted to the Academy of Sciences by Its President, Count S.S. Uvarov]. *Sochinenija* [Works]. Moscow, Izd. tip. A.A. Kartseva, 1853, vol. 1, pp. 1-32.

32. Lappo-Danilevskij A.S. *Metodologija istorii. V 2 t.* [The Methodology of History. In 2 Vols.]. Moscow, ROSSPEN, 2010.

33. Levandovskij A.A. *Vremja Granovskogo: U istokov formirovanija russoj intelligencii* [The Time of Granovskii: At the Source of the Formation of Russian Intelligentsia]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1990. 304 p.

34. Miljukov P.N. Universitetskij kurs Granovskogo [The University Course of T.N. Granovskii]. *Iz istorii russoj intelligencii* [From the History of Russian Intelligentsia]. Saint Petersburg, Znanie Publ., 1903, pp. 212-265.

35. Muravyev N.M. Mysli ob «Istorii gosudarstva Rossijskogo» N.M. Karamzina [Thoughts on the “History of the Russian State” by N.M. Karamzin]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Legacy]. Moscow, Otdelenie jazyka i literatury Akademii Nauk SSSR, 1954, iss. 59, book 1, pp. 582-595.

36. Mjagkov G.P. Nauchnoe soobshhestvo istorikov dorevoljucionnoj Rossii v svete «staroj» i «novoj» modeli istoriograficheskogo issledovanija [An Academic Community of Historians in Pre-Revolution Russia in the Light of the Old and New Models of Historiographical Study]. *Formirovanie edinogo prostranstva obrazovanija i nauki v rossijskoj vysshej shkole: istorija i perspektivy* [Formation of the New Space of Education and Science]. Cheboksary, Izd-vo Chuvash. un-ta, 2008, pp. 328-335.

37. Mjagkov G.P. Nauchnye shkoly v rossijskoj istoricheskoi nauke (opyt istoriograficheskogo osmyslenija poslednih desjatiletij) [Academic Schools in Russian Science of History (An Essay in the Historiographical Summation of the Last Decades)]. *Professija – istorik (k jubileju L.P. Repinoj)* [Profession: Historian (For the Jubilee of L.P. Repina)]. Moscow, Akvilon Publ., 2017, pp. 364-409.

38. Mjagkov G.P., Ivanova T.N. Biografika: etapy disciplinarnogo stanovlenija [Biography Studies: The Stages of the Discipline's Emergence]. *Paradigmy rossijskoj istorii skvoz prizmu biografistiki (k 140-letiju Alekseja Ivanovicha Jakovleva)* [Paradigms of Russian History Through the Prism of Biographical Studies (On the 140th Anniversary of Alexei Yakovlev)]. Cheboksary, ID «Sreda», 2019, pp. 25-32.

39. Mjagkov G.P. 1879 god kak kontrapunkt formirovanija «russoj istoricheskoi shkoly» [1879 as the Key Point in the Formation of the “Russian School

of History”]. *Professionalnaja identichnost i samosoznanie istorika* [Professional Identity and Self-Awareness of the Historian]. Moscow, In-t vseobshhej istorii RAN, 2022, pp. 260-292.

40. Repina L.P. Biografija v kontekste «globalnoj mikroistorii» [Biography in the Context of Global Microhistory]. *Paradigmy rossijskoj istorii skvoz prizmu biografistiki (k 140-letiju Alekseja Ivanovicha Jakovleva)* [Paradigms of Russian History Through the Prism of Biographical Studies (On the 140th Anniversary of Alexei Yakovlev)]. Cheboksary, ID «Sreda», 2019, pp. 25-32.

41. Repina L.P. *Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: socialnye teorii i istoriograficheskaia praktika* [History at the Turn of the 21st Century: Social Theory and Historiographical Practice]. Moscow, Krug Publ., 2011. 560 p.

42. Repina L.P. Ot «istorii odnoj zhizni» k «personalnoj istorii» [From the History of One Life to Personal History]. *Istorija cherez lichnost: istoricheskaja biografija segodnja* [History Through Personality: Historical Biography Today]. Moscow, Krug Publ., 2005, pp. 5-18.

43. Savelyeva I.M., Poletaev A.V. *Znanie o proshlom: Teorija i istoriya: v 2 t.* [Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2003.

44. Svешников A.V. Ivan Mihajlovich Grevs (1860–1941). *Portrety istorikov. Vremja i sudby. V 3 t. T. 3: Drevnij mir i sredniye veka* [Portraits of Historians. Times and Fates. In 3 Vols. Vol. 3: Ancient World and Middle Ages]. Moscow, Univ. kn. Publ., 2004, pp. 336-360.

45. Skvorcov A.M. *Nauchnaja shkola v otechestvennom antikovedenii: M.S. Kutorga i ego ucheniki: avto-ref. dis. ... kand. ist. nauk* [Scientific School in Domestic Antiquity: M.S. Kutorga and His Students. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2012. 24 p.

46. Surikov I.E., Sidorovich O.V., Shkarenkov P.P. *Istorija i pamjat = History and memory: istoricheskaja kultura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and Memory: The Culture of History in Europe Before the Start of the Modern Age]. Moscow, Krug Publ., 2006. 763 p.

47. Frolov E.D. *Russkaja nauka ob antichnosti: istoriograficheskie ocherki* [The Russian Scholarship

on Antiquity]. Saint Petersburg, Gumanitarnaja Akademija, 2006. 616 p.

48. Chizhevskij D.I. *Gegel v Rossii* [Hegel in Russia]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 409 p.

49. Droysen J.G. *Grundriss der Historik*. Jena, Frommann, 1858. 27 S.

50. Gibbon E. *The Decline and Fall of the Roman Empire*. London, Penguin Viking, 1980. 693 p.

51. Hegel G.W.F. *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Berlin, Duncker und Humblot, 1848. 569 S.

52. Lewis S.J.C. *An Inquiry into the Credibility of the Early Roman History*. London, J.W. Parker, Son, 1855. 551 p.

53. Merivale C. *History of the Romans Under the Empire, in 7 Vols*. London, Longmans, 1852–1862.

54. Niebuhr B.G. *Römische Geschichte. In 3 Bde*. Berlin, G. Reimer, 1828.

55. Niebuhr B.G. *Römische Geschichte. Bd. 2*. Berlin, S. Calvary, 1873. 547 S.

56. Ranke L. *Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber*. Leipzig, G. Reimer. 1824. 202 S.

57. Savigny F.K.v. *Geschichte des römischen Rechts: in 6 Bde*. Heidelberg, Mohr und Zimmer, 1815–1831.

58. Schwegler A. *Römische Geschichte im Zeitalter der Könige: in 3 Bde*. Tübingen, Laupp, 1853.

59. Stepelevich L.S. Hegelian Nihilism: Karl Werder and the Class of 1841. *The Philosophical Forum*, 2015, vol. 46, iss. 3, pp. 249-273.

60. Vico G. *De antiquissima Italorum sapientia ex linguae originibus eruenda librorum tres*. Naples, typographia Felicis Mosca, 1710. 138 p.

61. Vico G. *On the Most Ancient Wisdom of the Italians Unearthed from the Origins of the Latin Language, including The Disputation with “The Giornale De Letterati D’Italia” (1711)*. Ithaca, Cornell University Press, 1988. 198 p.

62. Vico G. *Principi di scienza nuova*. Naples, Stamperia muziana, 1744. 526 (516) p.

63. Vico G. *The New Science of Giambattista Vico. Translated from the Third Edition (1744)*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 1948. 494 p.

64. Werder K.F. *Logik: Als Commentar und Ergänzung zu Hegels Wissenschaft der Logik*. Berlin, Veit, 1841. 231 S.

Information About the Authors

Dmitry N. Starostin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Medieval History, Saint Petersburg State University, Mendeleevskaia liniia, 5, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, d.starostin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9448-834X>

Elena V. Kuleshova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Medieval History, Saint Petersburg State University, Mendeleevskaia liniia, 5, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, e.kuleshova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1021-4769>

Информация об авторах

Дмитрий Николаевич Старостин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, d.starostin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9448-834X>

Елена Владимировна Кулешова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e.kuleshova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1021-4769>